

Я

ЛЮБЛЮ, признаюсь, театр очень. Ну просто очень. Любой, всякий, театр как факт. Хороший и плохой, гордый и жалкий, великий и смешной. И ничего не могу с этим поделать. Мне твердят, что театр умер. Или умрет. А я верю, что он выживет. Сломает себе шею, пустит петуха, переболеет «чернухой», «сексухой», «политухой», как воспалением легких, но выживет. Выкарабкается. Хотя бы потому, что ему уже предсказывали гибель. И предсказание не сбылось.

Когда я только ощущаю магическую черту, отделяющую меня — зрителя от него — актера... Когда я только вижу, как он — актер ест, пьет, носит свой пиджак и сожалеет о том, что не стал Шопенгауэром или Достоевским... Или нет — наоборот — не ест, не пьет, ходит голым и кричит мне со сцены, что я сволочь, — я не могу ему не ответить. Я вступаю с ним в диалог. Или в спор. Или в драку, если хотите.

Театр раздражает меня всегда. Как факт. Как едкие пары лука, как соль, насыпанная на рану. И для меня, критика-эгоиста, любой театральный сезон — благо, предмет для разговора,

Любите ли вы театр?

материал для анализа, возможность предсказывать и угадать.

Театр вечен. Хотя бы потому, что вечна тяга человека к игре. К смене маски. К представленчеству и обману. И дело лишь в том, искусственна или искусна эта игра. Органична или неорганична эта маска. Привычен ли этот обман, или он неожидан, желанен. Театр выживет, но переродится. Смена ролевой функции для него сегодня необходима и неизбежна.

Наш современный театр, конечно, не вызывает радужного настроения и не дает повода для однозначно оптимистического прогноза. Он, что называется, сам кует свое несчастье и совершает ошибки одну за другой. Но театр, как ни верти, еще считается

нанку перед зрителем. Рецепт так же стар, как книжка Молоховец.

Наталья КАЗЬМИНА.

зеркалом жизни. И если сам Президент совершает ошибки, быть может, театру это прощительно?

Театр в растерянности. Он тычет пальцем в небо. Он перестал понимать, что творить. И творит, что попало. Глоток свободы опьянил его, но свободы не дал. Очевидно, свободным надо родиться? А стать им — в одночасье, по приказу или по разрешению — не получается. У театра развился язык. Но всего-то и хватило, что привычно чиркнуть шашкой по мебели и рубить правду-матку с плеча, которую, оказывается, все и так знают. Нынешняя «свобода выбора» нашего театра не вызывает чувства глубокого удовлетворения: выбор, оказывается, — это зачастую набор новых отмычек; свобода — проявление узости мышления, а порыв — до слез знакомое желание «встать как один человек». Привычка к тайным проявлениям свободы, вынужденно воспитанная годами, обернулась несвободой свободы. Уверенность в том, что театр в России больше, чем театр, поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан, отразилась лишь в стойком пристрастии к «жареным» темам. Так называемый политический (в самом широком смысле слова) спектакль сегодня напоминает мне вкус черствого хлеба. Хотя бы потому, что наш театр долго собирается с мыслями, а жизнь тем временем летит вперед гораздо быстрее. Бегать сегодня наперегонки с парламентом бессмысленно.

Наверное, это не вина нашего театра. Ведь это советский театр, плоть от плоти новой человеческой общности — советский народ. И как бы ни старался он, театр, когда-то сохранить свою политическую невинность, борьба приучила его стоять насмерть — лицом к лицу с врагом. Если враг не сдается, его уничтожают. Если нет врага, его надо выдумать.

Конечно, похвально, что в этот трудный момент театр хочет идти в ногу со своей страной. Но тогда логичнее всего перестать ставить спектакли вообще. Закрыть театры и всем уйти на фронт — в поле, к примеру. Театр, наверное, искренне старается нам угодить. Но, оказалось, мы такие разные. И вообще мы — не мы.

Раньше зритель был как-то сплоченнее. Может быть, потому, что театр заменял ему почти все. Он со страстью и тайным злорадством ловил и понимал любые намеки, брошенные со сцены, и после, дома, гордо засыпал, ощущая себя почти что потенциальным диссидентом. Еще недавно эзопов язык был желанным театральным эсперанто. Теперь, слыша его, хочешь ватой уши заткнуть. Помню, как, сидя в ложе Малого театра, где играл своих «Синих коней» Роберт Стурва, я ощутила страх зала (правда, это был очень официальный зал) — быть вывезенным из театра на «черных воронах». Не вывезли. Но спектакль позорно арестовали. Помню реакцию своего деда, когда я с восторгом рассказывала про другой спектакль Стурва — «Вариации на современную тему». Дед, который любил на полную мощь врубить «вражеские голоса» и в полный голос пополамизировать с программой «Время» о Советской власти, сказал мне строго и безапелляционно: «Не вздумай про это писать».

Прошло то время. Спеты те песни. Петь их сегодня? В этом уже ни открытий, ни смелости, ни пафоса, ни даже проклятия. Когда современный театр приказывает нам — стройся и говори! — мы рассыпаемся цепью. Кому охота до зарезу помолчать, кому хохмочек подавай, как говорят в пьесе Тома Стоппарда. Кому охота послушать про убийство, а кому — про обольщение и инцест. Кто истосковался по хорошей истории, с началом, серединой и концом, а кто — по «Веселой вдове». И всем вместе не угодить никак.

Всем — сегодня значит никому. Угодить сегодня можно и нужно только себе. И выиграет скорее всего не тот, кто угадал новый спрос и новую конъюнктуру, а тот, кто ощутит завтрашнюю потребность. И окажется еще способным вывернуть себя наиз-

иран и сценарий (присл. к Сов. культуре)

№ 45, 7 ноября 1990 года

с. 6, 7.